

Елена
Арсеньева

любовь великих женщин

Прекрасные
авантюристки

Елена Арсеньева
Амазонка (Надежда Дурова)
Серия «Прекрасные авантюристки»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161399
Прекрасные авантюристки: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-04718-2*

Аннотация

Эти женщины пытались выстроить свою судьбу именно так, как представлялось им в дерзких и... прекрасных мечтах! Не жалея сил, а порой и жизни, стремились они во что бы то ни стало изменить предначертанное им от века, поспорить с волей небес, рискнуть – чтобы победить или... упасть во прах. Цели у них были разные: воинской славы искала Надежда Дурова, сияния царской власти Марина Мнишек, сказочной любви Ольга Жеребцова... Что еще двигало этими женщинами, как высоко удавалось им взлететь, как низко пасть, чего добиться – читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

4
11

Елена Арсеньева

Амазонка

(Надежда Дурова)

«Боже ты мой! Да ведь она в меня влюблена!..»

Поручик Александров схватился за свою черноволосую голову и несколько мгновений непрерывно качал ею. Делать что-либо другое он решительно не мог: качал головой и клял себя за недогадливость.

Когда в прошлом году он вынужден был уйти из гусарского полка, оставить товарищей и перевестись аж в Литву, в уланы, он всех уверял, что делает это из бедности. Гусары – известные щеголи, у них самые пышные мундиры, в гусары модно идти самым богатым молодым людям, которые ищут в войне равным образом и способ дать выход отваге, и возможность поносить мундир, самым выгодным образом обрисовывающий широкие плечи и стройные ноги. Шитый золотом ментик, роскошный доломан, чудо-кивер набекрень... Эти щеголи живут на доходы со своих богатых имений, деньги не считают. Уланы – те попроще, а потому перевод из гусар в уланы Александра, чьи стесненные обстоятельства были известны (он не имел ничего, кроме жалованья), никого осо-

бенно не удивил. Лишь немногие знали истинную причину того, что уход сей более напоминал паническое бегство: в тоненького, словно девица, смазливового, черноокого и румяного красавчика-подпоручика влюбилась дочь полковника, однако Александров никак не отвечал на ее чувства. Именно это более всего поражало. Ведь девица Павлищева была очаровательна, мила, приветлива и хоть небогата, но все же должна была получить неплохое приданое. Отец ее был офицером блистательным, и родство с ним что-нибудь да значило для подпоручика, о котором только и было известно, что он безрассудно храбр. Впрочем, скромность Александрова по отношению к женскому полу давно уже стала притчей во языцех. Если какие-то девицы или даже дамы и вздыхали по нему тотчас после знакомства, то очень скоро начинали видеть в нем наилучшего друга, поверяли ему сердечные тайны – и оставляли свое кокетство для других красавцев, имевших более мужественные и залихватские манеры. Однако девица Павлищева никак не могла вырвать из сердца эту занозу. Отец ее, сначала негодовавший, что она тратит время на безусого юнца, вскоре обиделся за дочь, не встречавшую взаимности, и негодовал уже на этого юнца. Вот оттого и пришлось Александрову, выражаясь привычным ему языком, ретироваться с поля боя, простившись с несчастной девицей. Все, чего она добилась от него, залив слезами его доломан, это обещания принять на память колечко и никогда с ним не расставаться.

Александров и сам чуть не плакал при расставании. Так уж распорядилась его судьба, что он ни разу в жизни не был влюблен ни в даму, ни в девицу, однако обладал живым вооб­ражением, чувствительным сердцем, а оттого представлял себе, что такое разбитое сердце. И при расставании с рыдающей девицей молился только об одном: чтобы никогда впредь не видеть слез в женских глазах – слез, вызванных безответной к нему любовью.

Да уж, любовь к нему могла быть только безответна...

Ну что же, небеса какое-то время потворствовали его мольбам. Однако угораздило же Литовский уланский полк расквартироваться в небольшом польском селении, где Александрова определили на квартиру к униатскому священнику! Сам он был в изрядных годах, однако жена его оказалась молода и хороша собой. Видимо, она отменно относилась к господам русским офицерам: чуть не с первого дня стала приносить Александрову в комнату самый изысканный завтрак: кофе, сливки, сахарные сухари. А муж в это время довольствовался теплым пивом да сыром. Впрочем, вкусы у него были самые простые, он и на обед получал какое-то од­но грубое блюдо и словно не замечал, насколько деликатен и разнообразен стол квартиранта.

Молодая дама была изрядная чудачка. Восхищаясь деви­чьим румянцем Александрова и стройностью его стана, она непременно добавляла, что он, конечно же, поляк, ибо толь­ко польские уланы могут быть столь привлекательны. Это на-

доело Александрову, и он сказал, что польской крови в нем нет ни капли, зато, кроме русской, есть немножко малороссийской и шведской.

– Ах! – воскликнула восторженная хозяйка. – Шведы! Шведы еще лучше, чем поляки. Они храбры, они честны, они... красивы!

А надобно сказать, что хозяин в это время обедал своим любимым кушаньем: гречневой кашей со шкварками, называемыми отчего-то «шведами». И при словах жены он вдруг вскочил и принялся что было сил бить ложкою по миске, угрюмо восклицая:

– Ненавижу *шведов*! Ненавижу *шведов*!

Корнет Александров едва успел спасти от солевых брызг свое свежее личико и чистенький мундир. Он ретировался к себе в комнату с поспешностью, которой никогда не проявлял на поле боя и за которую его вполне удостоили бы звания труса, и сидел там безвыходно весь день, недоумевая, что такое приключилось вдруг с хозяином и чем, собственно, пред ним провинились шведы.

Наутро очаровательная хозяйка принесла ему, по обыкновению, кофе, однако, подав его, не ушла, а присела на постель к Александрову. Он на всякий случай быстренько поджал ноги – как бы давая ей больше места, а на самом деле потому, что страшно смутился и, сказать правду, испугался.

– Будете ли вы помнить меня, пан поручик? – спросила очаровательная особа.

– Конечно, моя прелесть! – ответил он с той истинно молодецкой развязностью, с какой говорили с дамами все его товарищи. – Клянусь честью!

– Можете вы мне дать залог этого?

– Залог? Какой еще залог? – пуше прежнего встревожился Александров, крепче поджимая ноги, потому что сидеть даме было отчего-то тесно и она придвигалась к нему все ближе.

– Вот это кольцо, – прошептала она и цепко ухватила своей пухленькой ручкой тот его палец, на который девица Павлицева надела скромный золотой ободок.

Александров смешался и потерял дар речи. На его счастье, из-за двери донесся раздраженный голос священника:

– Что это значит? Где мой завтрак?!

Хозяйка взлетела с его постели с легкостью пушинки, и в ту же секунду ее и след простыл. Александр выпил кофе, не чувствуя его вкуса, и вышел из комнаты – смущенный, ожидающий встретить раздраженный взгляд хозяина, однако лицо того сияло удовольствием:

– Ну что, мой юный друг? Скоро будем прощаться? Ваш полк уходит завтра!

– Откуда вам сие известно, добрый пан? – удивился Александров.

– А я ходил к вашему начальнику и просил сместить вас с квартиры, ведь по правилам постоялец из военных может жить у меня не более двух дней, а вы гостите уж вторую неде-

лю, – ничуть не смущаясь, заявил хозяин. – А полковник сказал мне, что нужды беспокоиться нет, ибо вы все завтра выступаете в поход.

Александров преглупо моргал своими черными ресницами. Они казались ему непомерно длинными, зато невероятно нравились дамам и девицам, которые им завидовали и ныли, что мужчине-де совершенно ни к чему такие *хорошенькие* ресницы. Краем глаза он заметил, что хозяйка как-то очень побледнела, однако отнес это за счет того, что ей сделалось стыдно за мужа, который нарушил законы гостеприимства и готов был откровенно выжить постояльца из дому. Это Александрова растрогало, и он решил непременно отблагодарить милую женщину за доброту.

Надо ей сделать подарок. Нет, не кольцо – ведь Александров поклялся носить его, не снимая, – но какую-нибудь дружную приятную женскому сердцу мелочь. Беда только, что таких мелочей у Александрова было немного. Дюжина тонких шелковых платков, пряжка для пояса, усыпанная стразами, да еще силуэт, снятый с профиля Александрова каким-то мастером вырезать портретные подобию из черной бумаги. Набор невелик, но пусть добрая хозяйка сама решит, чего хочет.

Он принялся укладывать вещи, отчего-то не сомневаясь, что она скоро появится в его комнате, – так оно и вышло.

– Обед готов... А это что такое?

– Вы хотели иметь что-нибудь на память обо мне? Кольца

я вам дать не могу. Это подарок друга. Сделайте милость, выберите что-нибудь другое.

– Подарок друга? – повторила она задумчиво, глядя на Александрова печальными глазами, потом вдруг схватила силуэт и выскочила из комнаты.

– Пойми этих женщин! – пробормотал Александров, который не понимал, почему она пренебрегла пряжкой, которая была очень недурна. Может быть, у нее уже есть точно такая?

За ужином хозяин пребывал в самом благодушном настроении. Александров понимал, что вызвано это враз двумя причинами: его скорым отбытием, а также тем, что жена к хозяину нынче ластилась изо всех сил, клала голову ему на плечо, гладила его руки, чуть ли не мурлыкала, словно кошечка. И в одну из таких минут она, обнимая одной рукой своего разнежившегося супруга, другой раздвинула косынку на груди и показала Александрову его силуэт, который держала у самого сердца!

«Боже ты мой! Да ведь она в меня влюблена!..» – наконец-то смекнул недогадливый поручик и ретировался к себе при первой же возможности. В своей комнате он долго качал головой, а потом покрепче запер дверь, ибо вовсе не был уверен, что хозяйка не забежит к нему проститься нынче ночью, дождавшись, когда уснет успокоенный священник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.